

На пригорочке церковь стоит

Ещё не так давно глядя на разрушенный храм в селе Соломидино, трудно было поверить в то, что он когда-нибудь возродится. Однако нашлась группа энтузиастов, которая, полагаясь на добрую волю своих земляков и их бескорыстную и посильную помощь, взялась за его восстановление. Пошли по домам. Деньги давали те, кому небезразлична вера православная. Были и значительные вклады, например, десять тысяч рублей, и совсем маленькие — десять целковых. Как говорится, у кого какие возможности. Но самое главное, делали это от души. Значит, не перевелись ещё на Руси люди, радеющие о душе своей больше, чем о теле. Собрали 55 тысяч. На эти средства купили кровельное железо, припрятали его в надёжном месте до тех пор, пока не найдутся работники перекрывать крышу. А пока всем миром вычищают храм от мусора. На «субботники» идут все, кто способен держать в руках лопату и веник с совком.

По заданию редакции я отправилась посмотреть на энтузиастов. Церковь, правда, застала закрытой на амбарный замок. Оглянулась вокруг, походу обдумывая, что делать. В поле зрения попался магазинчик. К нему и взяла путь. На счастье, повстречала там женщину, которая отвела меня к Александре Степановне Максимовой — старожилу села. А по дороге рассказала, что дочери Александры Степановны по просьбе матери начали агитировать народ за восстановление святыни.

Спустя несколько минут я сидела у этой пожилой, но ещё бодрой женщины.

— Я переехала из Щелканки в Соломидино, когда вышла замуж, — начала свой рассказ Александра Степановна. — Первого священника церкви отца Павла сослали ещё до меня. Помните, наверное, как во времена Советской власти неистово преследовалась религия. Его дом тогда сожгли, дальнейшая судьба батюшки неизвестна. После него прибыл другой настоятель — отец Иоанн, он нас и венчал в 1935 году. Года через два и он куда-то уехал. Последнего священника помню очень хорошо, запомнявала лишь его имя. Церковь закрыли, а он так и жил в конце села.

Последняя служба проходила 12 мая 1940 года. На долгие шесть с лишним десятков лет церковь была предана забвению, сырела и ветшала, зарастала диким зельем.

На памяти у Александры Степановны то время, когда разоряли храм. Кое-что из церковной утвари сожгли, кое-что погрузили на телегу и увезли в неизвестном направлении. Запомнила она, как снимали колокол. Он был огромным. Когда его сбросили, он почти полностью ушёл под землю. Потом его разбили на части и отправили на берендеевскую станцию. Туда колокола свозили со всей округи. Затем их грузили в вагоны и увозили на переплавку. Было это как раз в начале войны.

После закрытия чего только в храме не было. Александра Степановна с болью в сердце вспоминает, как святыню приспособили под зерно- и сенохранилище, а потом под конюшню.

— Александра Степановна, — обращаюсь я к собеседнице, — о соломидинском роднике ходит добрая слава...

— У нас ведь два источника — Казанский и Громовой. Люди отовсюду сюда съезжаются, чтобы набрать водицу. А вода наша чистая, целебная. Её пьют бесноватые, страдающие разными болезнями, промывают ею больные глаза. С молитвами к Казанской Божией Матери обращаются просящие о чадородии. О появлении Казанского источника сложена легенда. На его месте появилась икона Казанской Божией матери. Её перенесли в церковь. Через

некоторое время она исчезла и чудесным образом опять оказалась на месте источника. Выстроили там большую часовню, где постоянно шла служба.

Осенью 1941 года в Новой деревне сгорели два дома. Сельсовет разрешил одному пого-рельцу разобрать часовню. Зимой он сруб перевёз, весной стал строиться. Внезапно у него на ноге заболел палец, весь почернел. Ему несколько раз делали операцию, ничего не помогло. Так и не пришлось ему жить в новом доме, помер бедолага.

В метрах ста от Казанского расположился Громовой источник. Говорят, он появился от удара молнии. Там тоже всегда проводили службы. В первый Спас святили зерно.

Запомнился мне один случай. В Крещение в полночь мы всегда ходили за водой. В один из годов я с племянницей и двумя соседями отправилась на Казанский источник. Набрали водичку, а мне так не хотелось уходить оттуда. Говорю своим, давайте побудем здесь ещё немного. Встала я на коленки у края колодца и мысленно обратилась к Богу. Вдруг слышу, вода всколыхнулась, зашумела и тут же смолкла. Через мгновение повторилось то же самое, а потом ещё раз. Я с коленок вскочила и кинулась к своим сопровождаемым: «Кончайте разговаривать! Слушайте, что в колодчике делается!» Они уж после этого ничего не слышали. Я так думаю, что знак мне свыше был дан. С тех пор я только эту воду и пью. Она всю зиму в бидоне может простоять и не испортиться. Даёт она мне силы и здоровье.

Действительно, глядя на Александру Степановну, ни за что не скажешь, что на следующий год она, дай-то Бог, отметит свой 90-летний юбилей. Память у неё отличная, речь складная. Всю зиму живёт одна, так как дочери в Москве. Делает всё самостоятельно: топит печь, готовит еду, стирает. Года два назад ещё и косила траву на огороде и возле дома. Соблюдает все посты, таблеток никаких не принимает. Научилась регулировать своё давление: повысится — выпьет молока, понизится — съест солёный огурец. А ещё Александра Степановна любит читать, и заметьте, очков у неё сроду не было. На столике рядом с кроватью разложены перекидные календари разной тематики, молитвенник и обязательно свежий номер «Переславских вестей».